

— Если в прошлый раз я вышел из кабинета Лужбина в бодром, чуть ли не радостном возбуждении, то сегодня я даже не чувствовал облегчения от того, что вроде бы всё кончилось. В ушах всё ещё стояли крики Александра. "Да, это не Лужбин. Ну, недаром, наверное, Лужбин к своим годам только до майора дослужился", - думал я.

— В очередной раз дома у Тихомировых собралась вся наша компания: я делился своими новыми впечатлениями. "Ну, да ладно. Обошлось всё же", - заключила Валя.

— Казалось, что так. Прошло несколько дней. Люба с Жоркой уехали в Ленинград, мама - в Севастополь и забрала с собой Иринку.

— В эти дни проходила избирательная кампания по выборам в местные органы власти. В Ладушкине советская власть осуществлялась председателем горисполкома Ниной Николаевной Романовской, молодой ещё, недалеко за тридцать брюнеткой довольно крупного телосложения, в прошлом медсестрой, державшейся всегда уверенно, с прочным чувством собственной значительности. Партийную организацию города возглавляла старая большевичка Анна Павловна, неопрятная брюзгливая старуха в сильных очках с короткой стрижкой, одиноко жившая в однокомнатной квартире нашего измирановского дома.

— От станции в горсовет обычно избирали начальника - сначала Суходольского, потом Аллу Николаевну, иногда ещё кого-нибудь, в частности, один срок была депутатом горсовета и Сашенька. В отличие от своего покойного мужа Суходольская с местными властями, то есть с Романовской и Анной Павловной не очень ладила вследствие излишней самостоятельности в суждениях, не принятой в горсоветовском кругу, где обычно ничего сами не решали, а только "проводили в жизнь" спущенные сверху указания райкома. Не ладила Суходольская и кое с кем из младшего персонала станции - техников, лаборантов. Настоящую войну с ней вела лаборант Околович - сестра Тамары Алексеевой, одного из инженеров станции. История была чисто бабьей. Околович собирала квартплату с сотрудников станции и отправляла её в ИЗМИРАН (дом был ведомственный). Как-то у неё выявилась недостача. Это произошло вскоре после смерти Суходольского, и она взвалила грехи на покойника, который якобы брал у неё деньги. Может, так оно и было. Суходольская же, естественно, не поверила. К тому же Околович распускала ещё какие-то грязные сплетни про её покойного мужа, чем восстановила против себя начальницу на все сто процентов. Началась война. Суходольская, как могла, зажимала Околович, пытаясь её уволить. Та вместе с сестрицей стала писать жалобы куда только можно: и в горсовет, прежде всего, и в ИЗМИРАН, и даже в Президиум Академии Наук. В ход шли все оплошности Суходольской, которые она допускала, особенно в сфере хозяйственной деятельности, где без нарушений ничего сделать невозможно.

— В числе их доносов был и такой. Кто-то из ленинградцев шутки ради прилепил на стенке внутри магнитного павильона вырезанную из журнала "Огонёк" большую фотографию Хрущёва, дружески беседующего с Мао Цзе-дуном. Сообщили и об этом. Приезжал Щербаков, вызывал в кабинет Суходольской для объяснений Сашеньку как ответственную за магнитные наблюдения. Ленинградцев же никого уже не было, так что виновного не нашли, но Суходольской сделали внушение.

— Все эти кляузы были на руку местным властям, которые решили, что без Суходольской в горсовете будет спокойнее. И вот на станции назначили собрание по выдвижению кандидата в депутаты горсовета. От Вали Тихомировой стало известно, что власти будут предлагать не Суходольскую на переизбрание, а кого-то из младшего персонала, кажется, шофёра Костю Старостина. Мы же решили избрать Суходольскую. Мы - это вся та же наша компания, научные сотрудники и инженеры станции, исключая Алексееву. Не очень, правда, нас почему-то поддерживал Стасик Тихомиров. Он стоял за рабочий класс, хотя и соглашался, что интересы станции в городе лучше сможет защищать Суходольская. Интересы же ясно какие - сколько людей в колхоз посылать, чем

на субботниках заниматься, для хозяйственных нужд что-то пробить и тому подобное.
— Какого чёрта я в это дело ввязался - трудно сказать. Из спортивного азарта, что ли? Мало мне было только что прошедших развлечений?

— Ко всяким выборам в органы советской власти я относился как к заведомой профанации. Что это за выборы, когда выбирать не из кого - предлагается одна кандидатура? В Ленинграде я обычно голосовать не ходил, уезжая куда-нибудь с утра из общежития, а если всё же оставался и допекали посыльные, то шёл и голосовал против. Никаких последствий это не имело, как и нехождение на демонстрации. Видать, слишком много было таких разгильдяев-студентов, чтобы их всех увещевать. А может, напротив, - не обращали внимания на фоне всенародного единодушия.

— Теперь же я решил принять участие в выдвижении кандидата, не имея, кстати, на это никаких прав, так как не был ни сотрудником станции, ни даже жителем Ладушкина. Порезвиться захотелось или в самом деле был убеждён, что надо добиться выдвижения Суходольской? Не думаю, чтобы внутри себя я четко сознавал свои мотивы. В молодости многое делается импульсивно.

— Так или иначе, но я на станции повёл активную агитацию за выдвижение Суходольской, заручаясь голосами в её пользу. На собрание приехали Романовскова и Анна Павловна. Романовскова рекомендовала выдвинуть Старостина. А кто-то из наших встал и предложил Суходольскую.

— Аллу Николаевну не надо, хоть она и хорошо работала. Нужно из рабочих, - твёрдо возразила Романовскова.

— Почему это? - спросили из рядов.

— Нынче вам положено из рабочих, чтобы пропорции были правильные в горсовете, - пояснила Анна Павловна.

— Это откуда такие ограничения? - спросил я.

— Из района, - невинно ответила Анна Павловна. В зале загудели.

— А разве мы не сами выдвигаем кандидата? - задал я провокационный вопрос.

— Сами, конечно. Но надо из рабочих. Старостина лучше всего.

— Давайте голосовать, - предложил я. Собрание поддержало это предложение (председательствовал Стасик Тихомиров), хотя представительницы власти и партии и пытались ещё не допустить кандидатуру Суходольской к голосованию.

— Проголосовали. Чёрт те что, концы с концами не сошлись, несколько человек голосовало и за Суходольскую, и за Старостина. "Безобразие!" - возмутились Романовскова и Анна Павловна. - "Кто так голосует?"

— Начали по новой. Я подсчитывал на доске мелом голоса. С небольшим перевесом прошла Суходольская. Разгневанные Романовскова и Анна Павловна забрали протокол собрания и уехали.

— А вечером Суходольская сообщила, что ей звонили из райотдела милиции и велели передать мне, чтобы я завтра явился в Багратионовск к начальнику паспортного стола Волкову.

— Это ещё зачем? Опять стали обсуждать.

— Этот Волков, я его знаю, такой паразит! Не человек - зверь, фашист прямо какой-то. Разговаривать спокойно не умеет, - говорила Валя, знающая всё и всех. - Лучше бы тебе с ним не встречаться.

— Нетрудно было догадаться, что придраться ко мне можно было за нарушение паспортного режима. Я был прописан временно, на срок аспирантуры, в Ленинграде, в общежитии на Шевченко, а в Ладушкине была прописана только Сашенька. Формально я должен был бы прописываться временно в Ладушкине всякий раз, приезжая на срок более трёх дней, но, разумеется, не делал этого. Даже если бы мне в голову и взбрело такое, сама процедура оформления прописки требовала в условиях Ладушкина (паспортный стол в Багратионовске) времени не менее двух недель: паспортистка раз в неделю приезжает в Ладушкин, забирает паспорта и через неделю, в лучшем случае, привозит. А если я

приезжаю всего на неделю? Обычный идиотизм наших порядков. Так что я жил в Ладушкине и по паре месяцев без местной прописки, но никто меня до сих пор за эти два года не беспокоил. А тут вдруг спохватились. Не к добру.

—И решили мы с Сашенькой, что пора мне сматываться от греха подальше. Хватит этих развлечений. Да и пора уже было ехать. Очередные заделы для расчётов были готовы, надо было обсуждать их с Б.Е. и считать на машине. В тот же вечер я собрал свой портфель. Не было денег, сбегал к Бирюковым, занял на дорогу. Они уже спать легли, Майечка выскочила из постели, я объяснил ей, почему решил срочно уезжать, рассказал про звонок из милиции, она дала деньги. А утром мы с Сашенькой поехали в Калининград. Билеты на самолёт, к счастью, были, и я в то же утро улетел в Ленинград. Потом уже я узнал, что без нас приезжал милиционер на мотоцикле с коляской, спрашивал - где я, сказали - уехал.

—Это было в пятницу, 21 февраля 1969 года. А в воскресенье я уже писал Сашеньке из Ленинграда вот это письмо.

(продолжение следует)